

Когда началось возвращение нашей культуре наследия Серебряного века, вспомнилось имя Николая Николаевича Вышеславцева, художника и библиофила, педагога и исследователя, создателя серии портретов русских писателей, музыкантов, философов, актеров, которые родились и идеологически творили до октября 1917 года, творили скорби и умирали или погибли — после. Сам он — из их плеяды. Ему позировали Цветаева и Флоренский, Белый и Клычков, Пастернак и Шплет... Сегодня издать произведения Ходасевича или Бунина, Сологуба или Вяч. Иванова с портретом работы Вышеславцева — издательский престиж. Известно, что Вышеславцев не любил показывать свои рисунки, он складывал их в папки или тут же дарил. Известно и то, что прежде чем приступить к созданию портрета, он иллюстрировал и оформлял книги своих будущих художественных образов. Именно Вышеславцев стал тем художником, который запечатлел трагедию нашей культуры в рисунке.

Он родился в 1890 году в селе Анна Полтавской губернии. Незаконнорожденный сын графини Кочубей и управляющего имением Кочубеев агронома Н. А. Вышеславцева, он, так и не узнав своей матери, воспитывался чужими женщинами. Когда отец перевелся в Тамбов, мальчик поступил в тамбовскую гимназию. После 1905 года Вышеславцев переезжает в Москву, здесь же обучается живописи в студии Машкова. В 1909 году уезжает в Париж, Италию. Увы, работы той поры пропали. Четырнадцатый год, война — и Вышеславцев возвращается в Россию. Далее — юнкерское училище, фронт, 204-й Ардагано-Михайловский полк, ранение. Революцию он, георгиевский кавалер, встретил в госпитале. Весной 1918 года он выписывается из госпиталя и поступает на работу в изотдел Наркомпроса.

Бесприютность русской культуры, духовное одиночество ощутил в начале двадцатых. Тогда же, предчувствуя расставание с близкими ему людьми, их эмиграцию, творческую и физическую смерть, он начинает создавать их портреты. Уезжает Николай Бердяев, с которым Вышеславцев сблизился по Вольной Академии духовной культуры; покидает родину его двоюродный брат блистательный философ Борис Вышеславцев; уезжают Ходасевич, Цветаева... Не в силах помешать этой российской беде, он берется за карандаш, тушь, сангину. Он создает образы творцов, на которых наложена епитимья молчания, и только глаза их кричат от боли. Все это дорожки Вышеславцеву люди.

Сказавший всем страстям: *прости — Прости и ты. Обиды налеталась власть. Как плещущий библейский стих Читаю я в глазах твоих: «Дурная страсть»*

Так спрашивал к нему Мирна Цветаева. Ее отношения с Вышеславцевым — в теме и тождественности посвященных ему стихотворений; их порядка двадцати. Протипированные строки написаны в 1920-м, а в 1921 году он пишет ее портрет. Пишет с натуры. Тема — красота Цветаевой, ее исключительный талант, перниность, сложность характера, в немгающем, люциферском взгляде — земное горе, та безысходность, которая все-таки доведет поэта до петли.

Сегодня все созданные Вышеславцевым портреты воспринимаются как своего рода афистры за единоумершего, как мольба о прощении и просьба о вечной радости. Иисусе, судие всемиростивый, рай сладости сподоби раба Твоего... Брюсова Вышеславцев знал лично, относился к нему настроенно, в искренность его поэзии не верил. Однако рисовать его пришлось уже на смертном одре. Брюсов умер, проклятый Гиппиус: он хуже, чем умер, он «сумасшедше-жесток коммунист». Ходасевич же напишет о нем: одинокий, измученный человек, который, если б не смерть, ушел бы из жизни сам. Николай Вышеславцев, отбросив свое недоверие, рисует такого одинокого и измученного Брюсова, душа которого, как безутешная горлица, носится над юдолою земной, скорбя о грехах минувшего пути.

Сегодня, — 1994, — 19 марта, — с. 9

Все книги мира за одну...

Увлечшись антропософией, учением Штейнера, художник увлекся и Андреем Белым. Они встречаются на антропософских собраниях, в квартире Белого и на его даче в Кучино. Вышеславцев оформляет издание «Петербург», «Москвы», создает целую серию портретов Белого. Венчает ее рисунок 1928 года: в глазах безумие, страшноватая веселость, мир химер. В тот год Белый писал «Москву под ударом», роман, в котором увидели измену Штейнеру. Вышеславцев рисует трагедию русского мыслителя, который, живя в советской России, пытается сохранить свою верность антропософии, возможно, с единственной целью остаться самим собой. Это балансирование над пропастью он изобразил жестко, даже жестоко. Понимаешь, что с этим беспокойством, с этим ненужным прельщением, с этой позой Белый жил изо дня в день. Вот почему так интересно нам воспоминание Ольги Николаевны Вышеславцевой, вдовы художника, о случайной встрече с Белым: «Смотри, идет Белый. С Арбатской площади. Остановились у «Праги». Впечатление от него было странное. Шел в белом костюме, такой выходящей походкой. Остановились, поздоровались, условились о встрече. Монументальный, высокий, спокойный Николай Николаевич, уверенный в своих движениях, — и играющий, экзальтированный Белый».

В каждой работе Вышеславцева — изломанная судьба человека и мольба самого художника о его спасении. Чеботаревская бросилась в Неву, чтоб своей смертью искупить ему жизнь, веря: после смерти Блока и расстрела Гумилева следующим будет Сологуб. Этот же безмолвный плач Н. Вышеславцев выразил и в портрете Сергея Клычкова, словно предвидя его расстрел. Романы Клычкова были красивы какой-то древней, космичной красотой. Он и сам был красив, как Вышеславцев, силен и статен, как Вышеславцев; оба они прошли через печку первой мировой войны. Художник изобразил горлового, несломленного, но затравленного человека, передал ощущение беспомощности писателя перед надвигающейся трагедией.

Портрет Вяч. Иванова создан в 1924 году — в тот год поэт отбыл в Италию. «В кругу безумных, томноких Ты золотом встал главой», — писал о нем Блок в 1912 году. Вышеславцев запечатлел Иванова в ту пору, когда лик его не излучал «тайных сил», а душа — «бездонных чар». В тяжелых контурах лица, в сомкнутых губах — бремя испытаний. Лишь в золоте головы — отзвук фарса молодости, фарса «безумных» и «томноких», к которым подкрался Октябрь.

МИХАИЛ ЧЕХОВ В РОЛИ ГАМЛЕТА. ПОРТРЕТ РАБОТЫ НИКОЛАЯ ВЫШЕСЛАВЦЕВА. 1921 ГОД. ПУБЛИКУЕТСЯ ВПЕРВЫЕ

ФЕДОР СОЛОГУБ. ПОРТРЕТ РАБОТЫ НИКОЛАЯ ВЫШЕСЛАВЦЕВА. 1927 ГОД. ПУБЛИКУЕТСЯ ВПЕРВЫЕ

цивилизации представляется ему цепью трагических превращений. Как не вспомнить Гоголя, еще одного героя Вышеславцева: Спаситель никогда не смеялся... Крест творца в послеоктябрьской России, как считает Вышеславцев, — это крест честности, искренности и вкуса. Вот почему, прочитав в «Новом мире» «Повесть непогашенной луны» Пильняка, он сразу разгадал ее тайную тему вины Сталина в гибели Фрунзе. По парижскому изданию он читает «Митину любовь» Бунина и восхищается всем тем, «чего не хватало литературе в России». Но литературе в России хватает примитивности гладковского «Цемент», морализаторства Горького, «гнусного запаха ГПУ» и доносительства на страницах журнала «ЛЕФ». Осторожный на слово Вышеславцев не сдерживается и записывает все это на библиографические карточки, которые конфискуют при обыске. Вроде бы жизнь складывается и при новой власти. Вышеславцев — участник престижных выставок, он преподает рисунок в Московском полиграфическом институте, в лучших журналах одна за другой выходят его теоретические и критические статьи, он готовит труд о Леонардо да Винчи. Однако вскоре ему придется забыть о выставках, начнутся склоки вокруг его имени, на него обрушатся обвинения в космополитизме за его откровенное пристрастие к мировой живописи, его обвинят в идейном разложении молодежи, бесследно исчезнет арестованная во время обысков карто-

тека по Леонардо да Винчи. Тучи над его головой сгустились. Как неофициально сообщит О. Н. Вышеславцев прокурор, ему и ей было уготовано по двадцать пять лет, студентам художника — по десять. От тюрьмы Вышеславцева спасла вневзятная болезнь — инсульт и парализация. В таком состоянии он пережил несколько обысков. Книги из мастерской люди в погонах вывозили на грузовике. Арестовали и его великопленные зарисовки ню — как порнографию. О. Н. Вышеславцева бросились к Шмариннову и Герасимову: «У нас обыск. Предупредите художников — изымают «порнографию». Руководивший «делом» Вышеславцева полковник Шапирович толк в книгах знал — с Николаем Николаевичем они встречались в букинистических лавках, позже полковник пытался перекупить кое-что из библиотеки Вышеславцева через посредников. Просматриваю перечень изъятой литературы: Е. Трубенкой, Вл. Соловьев, Штейнер, Ницше, Блаватская, Введенский, Ахматова... В ответе прокуратуры на запрос Вышеславцева значится: «Изъятие книги по своему содержанию возврату не подлежат».

Перед смертью, а она пришла к Н. Н. Вышеславцеву 12 марта 1952 года, бродивший в буддизме, исламе, иудаизме художник обратился к наследие оптинских старцев. Ему открылся свет православия. Страдая от физической беспомощности, от наветов, обысков, вспоминая свою жизнь, своих друзей и подруг, всех тех, кем восхищался и кого жалел, всех выдворенных из России, сгинувших в лагерях и расстрелянных, он, преклонившийся перед мировой литературой и лишившийся своей известной всей читающей Москве библиотеки, уже готовясь к смерти, признался: «Я отдал бы все книги мира за одну — Библию». Будем верить, что Господь сподобил раба Своего прощением и вечной радостью, что встретили его душу все те, с кем жил, кого рисовал, кого любил и кто любил его.

Предлагаем вашему вниманию фрагменты дневниковых записей Н. Н. Вышеславцева первых лет второй мировой войны. Их писал человек, так и не ставший советским, напротив лишенный чувства социалистического патриотизма, но сохранивший в себе любовь к Отечеству, сердцем страдающий за него. Среди героев его записей — герои его портретов. Встретите вы и имя Вадим. Это сын О. Н. Вышеславцевой от первого брака, воспитанный Н. Н. Вышеславцевым. Мальчик погиб на фронте.

Предлагаем вашему вниманию фрагменты дневниковых записей Н. Н. Вышеславцева первых лет второй мировой войны. Их писал человек, так и не ставший советским, напротив лишенный чувства социалистического патриотизма, но сохранивший в себе любовь к Отечеству, сердцем страдающий за него. Среди героев его записей — герои его портретов. Встретите вы и имя Вадим. Это сын О. Н. Вышеславцевой от первого брака, воспитанный Н. Н. Вышеславцевым. Мальчик погиб на фронте.

Предлагаем вашему вниманию фрагменты дневниковых записей Н. Н. Вышеславцева первых лет второй мировой войны. Их писал человек, так и не ставший советским, напротив лишенный чувства социалистического патриотизма, но сохранивший в себе любовь к Отечеству, сердцем страдающий за него. Среди героев его записей — герои его портретов. Встретите вы и имя Вадим. Это сын О. Н. Вышеславцевой от первого брака, воспитанный Н. Н. Вышеславцевым. Мальчик погиб на фронте.

Николай Вышеславцев

22 июня 1941 г. Сегодня в первом часу Вита¹ убирала у меня, а я просматривал какие-то книги. Неожиданно по телефону позвонил Вадим: «Включите радио». Только я успел это сделать со смутным предчувствием чего-то недоброго, как раздался знакомый, напряженный, немного заикающийся голос Молотова, оглашающий сообщение о нападении германских войск на наши границы. Слушал еще не осознавая, только предчувствуя всю огромную значительность этого события. Витка пыталась быть серьезной, но по наивности распускала улыбку. Через несколько минут позвонила Оля², потом вскоре пришла. Вспоминали не без иронии, как вчера, когда были у Роров³, мы политиканствовали с Вилли, уверенно утверждая, что «в этом году ничего не будет». Потом О. ушла, мы закончили уборку и в 5 вышли из дому. Улицы — как обычно, только неожиданным показались очереди у булочных. Да еще громкий хриплый голос радио-рупора на Арбатской площади, повторяющий обращение Молотова, снова и снова, попеременно с маршевой музыкой. Обедали скромно с хлебным пайком. Настроение бодрое, чуть-чуть необычно возбужденное. Закрывали (маскировали) окна у О. Н. [...] Ушел около 11-ти. Улицы затемнены. Народ рассеян и как-то суетливо вял. Единства, захваченности общим чувством не заметно. Распыленная и какая-то несерьезная масса. Каждый о себе и своем маленьком мирке. Недоверчивость ко всему остальному. Дома немного почтительно Армстронга «Падение Франции», выпил стакан чаю и лег в первом часу/ночи. Не нравятся мне, что нет сообщений о военных действиях. По радио только патристические передачи, подчас не очень приятные, фальшивыми актерскими голосами. День был ясный, теплый, солнечный.

23 июня Встал около 9. В 6 утра слушал первое сообщение Главного Командования. В разных пунктах на границе начались столкновения наших частей прикрытия с германскими войсками. Почти повсюду мы сдерживаем продвижение. [...] 24 июня [...] В первый день войны медленно после речи Молотова население кинулось вынимать вклады из сберкасы. Вчера уже было отдано распоряжение выдавать не более 200 рублей в месяц на книжку. Рассказывают, что народная ар-

тистка, орденноносец, Тарасова все же успела целиком вынуть свои 40 000!

25 июня [...] Только успеваю кончить обед, звонит Берта, просит спешно прийти в «График»⁴. Иду. Сообщают новости: требуется немедля военизировать всю работу. Вскоре подходит высокий человек из Московского Комитета по делам искусств некий Шигин Виктор Михайлович. Говорил о задачах художника в эти дни. Плакаты, листовки etc. Мысль Гржебина об иллюстрации речи Молотова.

26 июня В 6 ч. утра прослушал сводку. Она не порадовала, не то даже огорчительно, что мы, видимо, отошли в ряде пунктов, как неутешителен этот перенос внимания на индивидуальные подвиги наших бойцов, признак нехороший. Нехорошо и то, что уже не Главное Командование дает сводку, но специальное «Советское информбюро».

3 июля В 6 ч. утра прослушал сводку радио-рупора, анонсировавшего правительственное сообщение. Но раньше была сводка — не утешительная. И только в 6.30, после повторных, утомительных анонсов, когда напряженное ожидание стало почти невнятным, — Сталин начал свое историческое выступление. Он поднимал страну на народную войну. Не все было разборчиво, я лежал до 8-и, поджидая повторение, которое наконец и было сделано диктором.

9 июля Дома читал Байрона. Сегодня, когда шел в «График», видел, как

вдоль широкой Садовой, далеко растянувшись, шла колонна мобилизованных, лет по 25—30, по преимуществу деревенских. Серые усталые лица, запыленная серая бедная одежда, узлы за плечами, некоторые в лаптях. Меня поразило полное равнодушное прохождение публики к тем, кто в конце концов ушел умирать за них. Кое у кого слабое, равнодушное любопытство, а у большинства взгляд, как на стену.

12 августа Встал в 8. Вышел кое-что купить, вижу на площади у Никит-

ских ворот толпа, оттесненная к домам, а посредине у памятника Тимирязеву гряда земли, десятка полтора земляных машин в действии и, может быть, 60—70 человек, рабочих, засыпают огромную воронку. От памятника уцелел лишь постамент. Сама статуя Тимирязева сброшена, лежит невдалеке носом в землю (хорошо не рассмотрю, подойти близко не разрешают). Соседние дома частью без стекол и оконных рам, частью с разрушениями верхних этажей и крыши. (Это был второй ночной удар).

14 августа Проснулся в 6. Очень нехорошее сообщение в Информбюро об оставлении Смоленска. И вдобавок весьма странная редакция: «Несколько дней тому назад оставлен город Смоленск»? Вчера еще были сообщения о боях на смоленском направлении. Разволновался всем

этим и долго лежал не засыпая и не вставая. Наконец решил встать. Вскоре позвонила О. Н. — «слышала сегодняшнее сообщение». 21 августа [...] Сегодня, впрочем, опубликовано воззвание Ворошилова и Жданова к населению Ленинграда с призывом прийти на помощь Красной Армии и защите северной столицы. Самый факт такого воззвания оставляет тревожное и странное впечатление. Как необученные массы будут противопоставлять свой энтузиазм бронированному напору хорошо обученных регулярных войск противника? Эти методы гражданской войны не кажутся сейчас очень надежными.

22 сентября Проснулся в 6. Официальное сообщение об оставлении нами Киева. Можно было жать... И почти тотчас «Широка страна моя родная...». Цинизм или тупость? [...] 6 октября Встал в 9. День прошел в разборке книг, папок и разных материалов. Звонил Бобров, потом пришел. Вид растерянно-подавленный. Рассказал ужасную новость (для меня, ибо это было известно недели две уже) о Марине Цветаевой, которая уехала с сыном куда-то в глубь Чувашии, рассчитывая на чью-то помощь. Помощи не было, деньги были скоро прожиты, стала судомойкой, потом не вынесла голодовки и нужды и повесилась. Гумилев, Есенин, Маяковский, Цветаева. А Лебедев-Кумач благодарствует, Асеев купил где-то дом в провинции и т. д. [...] 5 июля 1942 г. [...] Нестерпимая пошлятина передается по радио. Сегодня выступал с «патристическими» стихами «поз-фронтовики и орденноносец» — Уткин. Невыразимая по мерзости смесь мешанской, сладковатой сентиментальности с фальшивой, напускной, казенной кровожадностью!

На фронте погиб писатель Петров — вторая половина «Ильфа и Петрова». В газетах фразы о «тяжелой потере» и т. п. На самом же деле мелкий литератор, угодливый и юркий. (10. VIII. Кажется, я несправедлив; во время войны он держал неплохо и погиб мужественно).

14 июля Проходит «чистка» нашего творческого союза — Моссх'а. Под предлогом «ознакомления с творческим лицом» организованы в придуманном порядке отчетные закрытые экспозиции. Особая комиссия просматривает работы и делает «выводы», иногда становящиеся «выводами» в буквальном смысле, т. е. из числа членов Моссх'а. Это последнее обстоя-

тельство для многих грозит стать подлинной жизненной катастрофой, ибо дело идет не только о лишении литерной столовой и рабочей карточки, но и об утрате права на броню, что для художников страшнее всего.

25 августа Все отступаем и отступаем. если только не бежим... Сегодня сообщение о боях у Прохладной. Это значит, что немцы уже под Грозным... «Правда» печатает пьесу Корнейчука «Фронт». Пьеса бездарная, но появление ее и тема симптоматичны. Она направлена на дискредитацию высшего фронтового командования как невежд, самоуверенных заслугами бывших «героев» гражданской войны. Вероятно, нужна жертва, чтобы на кого-то пала ответственность за тяжелые ошибки нашего командования. Вероятно, в армии будут (или уже имеются) большие перемены в среде фронтовых и штабных командиров в генеральских чинах.

12 сентября Прочитал перевод книги Ганди «Мои эксперименты с истиной» («Моя жизнь»). Перевод сильно сокращенный, дабы уберечь от соблазна неустойчивого советского читателя и все же читал с большим интересом. Многие в личности Ганди напоминают Ленина, та же безусловная преданность единому делу в жизни, та же принципиальность, та же сила воли и характера. Но велики и различия. Пожалуй, основную разницу во всей внешней деятельности Г. и Л. можно определить как расчет на лучшие стороны человеческой природы у первого и на худшие инстинкты у второго.

1 Воспитанница Вышеславцевых. 2 О. Н. Вышеславцева. 3 Знакомые Вышеславцевых, немцы-антифашисты. 4 Товарищество «Советский график». Вышеславцев — один из инициаторов его создания. Среди организаторов товарищества — издатель З. Гржебин.

Дневник 1941-1942

НИКОЛАЙ ВЫШЕСЛАВЦЕВ. 1920-Е ГОДЫ.

70 лет назад Портрет

53 года назад Дни